

МРНТИ 03.20.00

РЕПРЕССИИ 30-Х ГОДОВ ПРОТИВ УЧЕНЫХ. ДЕЛО С. БАЛАУБАЕВА

Сдыков Мурат Наурызғалиевич^{1*}

¹Доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова. Казахстан, г. Уральск. E-mail: msdykov@mail.ru

*Автор-корреспондент

Аннотация. Одним из главных объектов политических репрессий в Казахстане стала зарождающаяся национальная интеллигенция. Репрессии против ученых Казахстана стали составной частью процесса общенационального масштаба, направленного против группы Рыскулова-Жургенова, в рамках которого в Уральске было сфабриковано дело Балаубаева Салихана – доцента педагогического института. Вуз был открыт в 1932 году, став вторым высшим учебным заведением в Казахстане. Первоначально институт имел другое название – Второй казахский педагогический институт им. М.Н. Покровского. С 1937 г. он стал носить имя А.С. Пушкина, а из названия убрали слово казахский. В результате получился Уральский педагогический институт, или УПИ. Кафедра казахского языка и литературы УПИ стала важным центром подготовки и воспитания кадров учителей, которых так не хватало в казахских школах. Именно эта кафедра стала главным объектом репрессий, когда практически весь состав ее преподавателей был обвинен в контрреволюционной казахской буржуазной деятельности и репрессирован.

Ключевые слова: репрессии, педагогический институт, враги народа, казахская интеллигенция, истребление, высшая школа, наука, трагедия народа, приговор.

ХГТАР 03.20.00

30-ШЫ ЖЫЛДАРДАҒЫ ҒАЛЫМДАРҒА ҚАРСЫ ҚУҒЫН-СҮРГІН.
С. БАЛАУБАЕВ ІСІ.Сдыков Мұрат Наурызғалиұлы^{1*}

¹Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасының тарихы кафедрасы, М. Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университеті. Қазақстан, Орал қ. E-mail: msdykov@mail.ru

*Автор-корреспондент

Аңдатпа. Қазақстандағы саяси қуғын-сүргіннің басты нысандарының бірі жаңадан пайда болған ұлттық зиялы қауым болды. Қазақстан ғалымдарына қарсы қуғын-сүргін Рысқұлов – Жүргенов тобына қарсы бағытталған жалпыұлттық, ауқымды процестің құрамдас бөлігі болды, осы мақсатта Орал қаласындағы педагогикалық институттың доценті Салихан Балаубаевтың ісі ойлап табылды. ЖОО 1932 жылы Қазақстандағы екінші жоғары оқу орны болып ашылды. Бастапқыда институттың аты басқаша – М.Н. Покровский атындағы екінші Қазақ педагогикалық институты деп аталған болатын. Ал 1937 жылдан бастап ол А.С.Пушкиннің есімімен аталып, ондағы қазақ сөзі атаудан алынып тасталды. Нәтижесінде Орал педагогикалық институты немесе ОПИ болып құрылды. ОПИ қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасы қазақ мектептеріне қажетті мұғалімдерді даярлау мен тәрбиелеудің маңызды орталығына айналды. Дәл осы кафедра саяси қуғын-сүргіннің басты объектісіне айналды, оның оқытушыларының барлық құрамы «контрреволюциялық қазақ буржуазиясына қызмет жасағаны үшін» айыпталып, қуғын-сүргінге ұшырады.

Түйін сөздер: саяси қуғын-сүргін, педагогикалық институт, «халық жаулары», қазақ зиялылары, қуғындау, жоғары мектеп, ғылым, халық трагедиясы, үкім.

IRSTI 03.20.00

REPRESSIONS AGAINST SCIENTISTS IN 1930S. THE CASE OF S. BALAUBAYEV.

Sdykov Murat Nauryzgaliyevich^{1*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History of Kazakhstan, M. Utemissov West Kazakhstan University. Kazakhstan, Uralsk. E-mail: msdykov@mail.ru

*Corresponding author

Abstract. The newly born national intellectual class became one of the objects of political repressions in Kazakhstan. Intellectual repressions in Kazakhstan became part of the national process against the group of Ryskulov-Zhurgenov, within which the case of Salikhan Balaubayev, Dean of Teachers Training Institute, was fabricated in Uralsk. The mentioned institute was opened in 1932 and became the second highest educational institution in Kazakhstan. Initially the institute had another name – The Second Kazakh Teachers Training Institute after M.N. Pokrovskiy. Since 1937 it has been named after A.S. Pushkin and the word “Kazakh” was removed from the name. As a result, the institute was named as The Uralsk Teachers Training Institute or UTTI. The Department of Kazakh Language and Literature in UTTI was the center of training and preparation of the teachers who were so needed in the Kazakh schools. The exact department was chosen as the main repressions object where almost the whole team of its teachers was accused in the counter-revolutionary bourgeois activity and was repressed.

Key words: repressions, teachers training institute, enemies of people, Kazakh intellectuals, extirpation, highest educational institution, science, tragedy of the people, sentence.

Введение. Основная волна репрессий в СССР приходится на 1937-1938 гг. Борьба с врагами народа «развернулась» и в Уральском педагогическом институте им. А.С. Пушкина. Политические репрессии заделали все факультеты и кафедры, многих преподавателей и студентов. В Казахстане «кампания с буржуазно-националистическими извращениями», «алашордынцами» была направлена против небольшого круга образованной казахской национальной элиты. В этом отношении вузы республики подверглись жесткой «чистке и изгнанию всех инакомыслящих».

Методы и материалы. Методическая база статьи основана на современных подходах в изучении исторических процессов довоенного периода советской истории. Формирование концепции национальной истории Казахстана предопределило первостепенное обращение к фондам и материалам, доступ к которым стал возможен только в условиях открытости многих ранее закрытых тем. Это обусловило применение соответствующей методики научных исследований, среди которых важное место отведено аналитическим методам, критике документа и сопоставлению с достигнутыми и известными результатами.

Источниковой базой статьи стали новые и малоисследованные документы архивов Западного Казахстана и самого вуза. Ценным источником стало письмо самого Балаубаева С., впервые обнаруженное мной в делах Департамента внутренних дел ЗКО, направленное в ЦК КПСС и Советское правительство с просьбой о пересмотре его дела. В архиве самого института обнаружены и использованы материалы, имеющие отношение к учебной и научной работе Балаубаева С. В итоге установлены имена сотрудников НКВД, которые сфабриковали это дело, но в данной статье они не приведены, так как затрагивают многие стороны жизни невинно осужденного, которые еще не до конца исследованы и прояснены. Готовится монография по этому периоду, в которой акценты будут расставлены объективно и в полной мере.

Такой же подход к ряду конкретных лиц в руководстве вузом, позиция которых требует уточнения и более широкой информации. Однако, работая в архивах и изучая документы, невольно обращаешь внимание на характер материалов, их стиль, направленность, что передает косвенно атмосферу того времени, дух лицемерия, малодушия и показного верноподданничества, которые были характерны для того времени.

Обсуждение. Репрессии среди национальной интеллигенции – самая обширная тема в историографии по этой проблеме. Работы М. Козыбаева, К. Нурпеиса, Д. Аманжоловой и других затрагивают многие аспекты политического подавления инакомыслия в 30-е годы

XX века, в годы сталинского произвола. Тема политических репрессий является одним из основных направлений в моих исследованиях по истории Западного Казахстана. Подготовлены монографии по истории населения региона, в которых приведены общие сведения и конкретные факты репрессий в 30-е годы прошлого столетия. Однако работ по репрессиям в Западном Казахстане крайне недостаточно. Многие вопросы даже не стали предметом исторических исследований.

В данной статье в центре внимания жизнь конкретного человека, втянутого насильно в жернова политических репрессий. Через его судьбу в статье рассматривается преступный механизм преследований и физического уничтожения национальной интеллигенции.

Результаты исследования. В отчете руководства УПИ за 1937-1938 учебный год подчеркнуто, что выявлено «...наличие элементов формально-бюрократического руководства работой, что было отмечено в решении обкома КП(б)К по докладу комиссии, обследовавшей институт. Дирекция института допустила в ряде случаев притупление революционной бдительности вследствие чего «имело место проникновение в число преподавателей и студентов врагов народа, которые были взяты органами НКВД. Имевшие место факты проникновения в институт враждебных элементов требуют решительного повышения большевистской бдительности и борьбы за полное выкорчевывание всех остатков троцкистско-бухаринских и буржуазно – националистических бандитов и мобилизации всей массы студентов и преподавателей на ликвидацию последствий вредительства» (ГА ЗКО, 128: 200).

В Уральском педагогическом институте в 1937-1938 гг. особым репрессиям подвергся литературный факультет, где работали немногочисленные кадры казахов-преподавателей. В отчете факультета говорится: «Обстановка работы в первом семестре была не совсем благоприятна для учебного процесса. Были приостановлены прохождения отдельных дисциплин, вследствие снятия нескольких преподавателей, не отвечавших «своему званию педагога высшей школы, ставленники врага народа Жургенева» (ГА ЗКО, 94:15).

Арест преподавателей был внезапным и неожиданным, поэтому вызвал ломку учебно-производственного плана и расписаний. Государственные «программы по литературным дисциплинам, утвержденные прежним руководством НКП РСФСР, были в начале учебного года изъяты, а по казахской литературе госпрограммы и вовсе не было» (ГА ЗКО, 94: 21-24).

Борьба с врагами не ограничивалась исключением из рядов преподавателей и арестом. Бывшие коллеги «обязательно рассматривали на собраниях и клеймили позором» обвиненных. Голоса в защиту невиновно оговоренных и оболганных в стенах вуза я не нашел.

Вот пример. В отчете кафедры литературы отмечено, что проведен «ряд мероприятий по повышению идейно-политического и научно-методического уровня преподавания литературных дисциплин. В истекшем полугодии кафедра заслушала доклады: 1. Поповой – «Авербаховщина – контрреволюционная агентура троцкизма в советской литературе»; 2. Искалиева – «Методы национал-фашистского вредительства в казахской литературе». С дополнительным сообщением по вопросу об аналогичных явлениях в национальных литературах СССР выступил заведующий кафедрой, профессор Бойко. Он сказал, что «задача этих докладов – повышение революционной бдительности и ликвидация последствий вредительства на литературном фронте.» Протокол датирован – 15.01.1938 г. и стоит подпись заведующего кафедрой – проф. В. Бойко (ГА ЗКО, 94: 6-18).

Пострадали десятки преподавателей и сотрудников Уральского пединститута. Самым громким делом в 30-е годы стало обвинение во вражеской деятельности и арест доцента кафедры казахского языка и казахской литературы педагогического института С. Балаубаева. В отчете института за 1938 г. написано, что он был «врагом народа» и «алашордынцем».

Балаубаев Салихан родился в 1901 г. в Акмолинске Карагандинской области. Ни в каких партиях не состоял. Получил высшее образование в Казахском педагогическом институте. Сначала учился Ташкенте, а закончил вуз в Алма-Ате. По специальности филолог, после окончания вуза поступил в аспирантуру, готовил кандидатскую диссертацию по теме «Язык Абая». Вместе с тем занимался переводом классиков мировой литературы на казахский язык, так как хорошо знал английский язык.

В 1934 г. был направлен Народным комиссариатом просвещения Казахской АССР в Уральск в виду острой нехватки преподавателей казахского языка и литературы на должность доцента соответствующей кафедры, где проработал до ареста в 1938 г. Преподавание своих

предметов он старался проводить с использованием не только установленного списка литературы, но и произведений зарубежных классиков, а также казахских писателей и поэтов. Именно это и станет основным пунктом обвинения его как врага советского строя, как пропагандиста буржуазных и националистических взглядов. На самом деле, конечно же было ясно, что уровень его занятий был несомненно выше, чем у местных преподавателей, многие из которых не имели даже соответствующей подготовки.

К тому же он был необычным человеком, выделялся в городе своей внешностью, интеллигентностью, высокой культурой. Необычно было и то, что жена его была русская женщина. Вместе они воспитывали дочь, которой в тот год исполнилось 13 лет, имели на содержании обеих матерей. И это тоже стало предметом зависти некоторых преподавателей, которые и написали на него в органы НКВД. Некоторые увидели общие черты у С. Балаубаева с А. Букейхановым, А. Байтурсыновым, Ж. Досмухамедовым, у которых были русские жены, записав по этому признаку его в алашордынцы.

Балаубаев С. был арестован 18 апреля 1938 г. по обвинению в том, что «состоял активным членом антисоветской, вредительской, буржуазно-националистической, террористически-повстанческой и шпионско-диверсионной группы, руководящий центр которого состоял из Рыскулова, Нурманова, Ходжанова, Кулумбетова, Жургенева и участвовал в подготовке вооружённого свержения Советской власти и физического уничтожения руководителей Советского государства и партии.» (*формулировка из обвинительного заключения -!*).

В протоколах допросов Балаубаева в НКВД не зафиксировано его признание в антисоветской деятельности. Несмотря на пытки и унижения он не признал ни одного пункта из выдвинутого голословного обвинения. На утверждение: «Вы арестованы как член антисоветской повстанческой террористически-вражеской организации». Он ответил: «Я членом антисоветской националистической группы никогда не был и не участвовал. По существу вопроса ничего не могу показать» (А ДВД ЗКО, 2463:9).

В ноябре 1938 г. по ст. 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР он был приговорен к 15 годам лишения свободы. Жалобу на решение суда подала его мать – Балаубаева Кенже-кыз (73 лет). Ответ был быстрым и жестким – «оставить без последствий, как не имеющую доводов к удовлетворению, и производство по данному делу прекратить».

Балаубаев С. полностью отбыл весь срок в исправительно-трудовых лагерях и вернулся в 1953 г. на родину в Карагандинскую область, но уже нетрудоспособным инвалидом (ГА ЗКО, 2463:89). Мы не знаем, застал ли он кого-то в живых из членов семьи. Но за восстановление своего имени он начал бороться сразу же.

В деле, которое хранится в областном управлении МВД по ЗКО есть его письма в адрес Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова, в которых он подробно рассказывал о своем деле – о невинности, о том, что не имел никакого отношения к враждебной деятельности, о бесправии и произволе на следствии и в суде, о пытках и издевательствах, о том, что он не подписывал обвинительного заключения и т.д.

28 декабря 1954 г. Верховный суд Казахской ССР вынес определение о реабилитации: «Приговор судебной коллегии от 15 ноября 1938 г. в отношении Балаубаева отменить и дело за недоказанностью собранных по делу улик производством прекратить» (ГА ЗКО, 2463: 99).

Знакомство с делом Балаубаева показало, что оно было сфабрикованным с самого начала, надуманным и лживым. А ход следствия и суда показывают бесчеловечный характер политических репрессий, которым не может быть никакого оправдания. Все обвинение строилось на выдуманных фактах и голословном утверждении. В сопроводительной справке органов НКВД в деле Балаубаева С., направленное в суд, написано: «...2. вещественных доказательств – нет...». Но они и не были нужны этому суду (А ДВД ЗКО, 2463: 109-143).

Чем измерить глубину человеческой трагедии Салихана Балаубаевича Балаубаева и членов его семьи, практически зачеркнутую и загубленную жизнь молодого 37-летнего ученого, его дочери, жены и родителей.

Характерна позиция института в деле Балаубаева. НКВД запросило по нему отзыв у руководства института. 20 июня 1938 г. характеристика, подписанная директором Лукьянцем, секретарем парткома Ермоленко и председателем месткома, была направлена в органы. Там говорилось, что «Балаубаев был снят с работы в 1935 г. как алашордынец, но восстановлен по

указанию «национал-фашистского бандита и врага народа Жургунова». Указывалось, что «он не является специалистом казахского языка.» Ни одного факта антисоветской деятельности в письме не приводится. Самое сильное «вредительское» действие С. Балаубаева заключалось в том, что для «диктанта он взял текст с материалом, рисующим образ интеллигента-националиста из художественной литературы, что вызвало осуждение на кафедре и в институте».

Дело Балаубаева оказалось частью огромной кампании по ликвидации национальных кадров культуры и науки в Казахстане. Волна репрессий прокатилась по всей республике. В результате погибли тысячи специалистов и ученых, были уничтожены целые научные направления, на многие годы затормозив развитие казахской науки и высшего образования.

Сейчас вновь возрождается кампания по обелению Сталина. Пишут книги и снимают фильмы о том, что он или многого не знал, или о том, что он был вынужден идти на крайние меры.

Решительно возражаю. Ничего подобного – не просто знал, но был инициатором и руководителем репрессий. Пример С.Балаубаева показывает, как «конструировалось и создавалось это дело», в котором он оказался, сам того не ведая, одним из «активных членов группы Рыскулова и Жургунова». В этом деле ему отводилась роль доказательства «существования разветвленной антисоветской и буржуазно-националистической организации». Создание такого «дела», в котором оказались обвинены сотни казахов – руководителей, ученых, литераторов, специалистов, составлявших цвет целого народа, могло быть инициировано и контролируемо только самим Сталиным. Ибо именно этим сфабрикованным делом он уничтожил практически всю казахскую политическую и творческую национальную элиту.

Таким образом, дело Балаубаева С. стал звеном одного преступления, в котором арестанту из Уральска отводилась важная роль, так как служила «доказательством широкого масштаба вражеской деятельности казахской интеллигенции». Хотелось бы отметить двух людей, проходивших с ним по одному процессу. Это – нарком просвещения Жургунов Т.К. и ректор Казахского пединститута в Алма-Ате Ш. Бекжанов.

Жургунов Темирбек Караевич – видный советский партийный и государственный деятель СССР. Участник борьбы за установление и упрочение Советской власти в Туркестане и Казахстане. Член РКП(б), коммунист с 1920 г. В 1933-1937 гг. – нарком просвещения Казахской ССР. В 1938 г. арестован как враг народа, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В 1957 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

На посту наркома народного просвещения приложил много усилий по развитию системы начального и среднего образования, ликвидацией неграмотности, комплектованием школ учебниками и учительскими кадрами. В период его деятельности были открыты высшие учебные заведения в Казахстане (только в Алма-Ате с 1933 г. по 1934 гг. было открыто 6 ВУЗов).

Жургунов – один из первых исследователей истории культурного строительства Средней Азии и Казахстана. Собрал статистические и демографические материалы Казахстана и Средней Азии, исследовал литературные и архивные источники (оригиналы). Высоко оценивал Жургунов в духовном сближении наций переводческое дело. При его участии были изданы на казахском языке произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Горького и других писателей.

Общепризнана исключительно плодотворная роль Т.К. Жургунова в подъёме в целом культуры, литературы и искусства Казахстана 30-х годов.)

Менее известна личность Шайхислама Бекжанова. Вместе с тем, его заслуги в развитии высшей школы Казахстана несомненны.

Бекжанов Шайхслам Бекжанович – доцент, государственный и политический деятель. Долгие годы его имя не упоминалось даже в истории вузов Казахстана.

Родился он в 1903 г. Уроженец Южно-Казахстанской области, Сузакского района, аул 5. Имел высшее образование, был историком. В начале 30-х гг. возглавлял Уральский институт просвещения. Стал организатором педагогического института в Уральске и в октябре 1932 г. назначен его первым директором. В феврале 1933 г. переведен в Алма-Аты. В 1935-1937 гг. был ректором Первого Казахского педагогического института им. Абая. В октябре 1937 г.

арестован как «враг народа». По ложному обвинению был приговорен по статье 58-10, 58-11 УК РСФСР 27 февраля 1938 г. Коллегией Верховного суда Казахской ССР к высшей мере наказания – расстрелу.

16 марта 1961 г. Ш.Бекжанов был посмертно реабилитирован, приговор был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления.)

Ш. Бекжанов – представитель первого поколения советских руководителей – казахов, с именем которого связано становление казахской высшей школы и науки. Он – интернационалист, но вместе с тем верный сын и патриот своего народа, который ставил во главу угла образование и воспитание казахской молодежи.

Биография его удивительна. Он является самым молодым из всех руководителей вуза. Ему было только 29 лет, когда он возглавил Второй казахский педагогический институт в Уральске. Его способности руководителя проявились в период подготовки к открытию института, который занял более года. Начиная с 1931 г., Ш. Бекжанов в условиях отсутствия кадров преподавателей и достаточной материальной базы, сумел собрать первый преподавательский состав и первый студенческий контингент института, что сделало возможным само открытие педагогического института в Уральске в октябре 1932 г. И в этом его главная заслуга, и вклад в историю высшего образования Казахстана.

На мой взгляд, его роль в успешных первых шагах института была определяющей. Не случайно, поэтому в 1933 г. он был переведен в Алма-Ату, где ему было поручено возглавить Первый казахский педагогический институт имени Абая, который тогда испытывал серьезные организационные и кадровые проблемы. За 5 лет своего руководства он сумел превратить алма-атинский вуз в научный и образовательный центр по подготовке специалистов, и особенно по казахскому языку, казахской истории и литературе. В годы репрессий он, как и многие его коллеги по институту, был обвинен в буржуазном национализме, арестован и расстрелян. Ему исполнилось тогда только 35 лет.

О месте и роли Казахского пединститута свидетельствуют материалы уголовных дел, заведенных на всех героев этой статьи. В протоколе допроса профессора Казахского педагогического института г. Алма-Аты, языковеда Худайбергена Джубанова говорится: «Казахский пединститут мы использовали как объект для активной работы нашей организации, потому что в этом институте казахская часть молодежи преобладала не только в составе студентов, но и в составе преподавателей, что создавало благоприятную возможность для вербовочной работы.

Помимо того, Казпединститут являлся **единственным вузом**, в котором по ряду важнейших дисциплин преподавание ведется на казахском языке. Коренизацию наша организация использовала для ...распространения национального языка.

Казпединститут был единственным вузом, в котором представлены кафедры по национальным дисциплинам: история казахов, литература казахов, язык казахов, экономическая история казахов, история народного образования в Казахстане» (выделено мной).

Моя практика работы с архивными документами по делам «врагов народа» заставляет сомневаться в том, что все сказанное Х. Джубановым, были произнесено им самим. Многие подозреваемые были не в состоянии не то чтобы писать, но и рационально рассуждать после многочисленных допросов. Показания записаны ровным убористым почерком, в конце каждой страницы непонятная подпись. Скорее всего это - «заготовки» следователей.

Но, внимательный читатель, прошу обратить внимание на смысл слов, сказанных в действительности профессором Джубановым или вложенных в его уста. Ведь фактически говорится о важном значении Казахского пединститута в научной жизни Казахстана, о роли казахских преподавателей и студентов в росте национального самосознания. Следствие, вписав эти слова, тем самым подтверждает главную цель своих преступных действий – уничтожение национальной идеи и национальных кадров, признавая их потенциальную опасность для существования сталинской власти.

В словах профессора отражена реальная картина состояния только-только зарождавшегося высшего образования и науки в Казахстане в 30-е гг. Поэтому репрессии против ученых в Уральске, Алма-Ате и в других городах, которые только начинали свою деятельность, практически в зародыше уничтожили казахские научные кадры и на долгие годы задержали

подготовку специалистов на казахском языке. Как показал анализ документов все обвинения были необоснованными, так как причинами становились незначительные или надуманные проступки.

Заключение. Трагедия репрессий заключалась не только в сломанных судьбах и жертвах среди конкретных людей. В результате репрессий национальной науке и культуре был нанесен сознательный и целенаправленный удар – уничтожены немногочисленные представители интеллектуальной элиты: сначала как алашордынцы – носители «чуждых националистических идей», а затем как «враги народа, проводившие подрывную деятельность внутри партийных и государственных органов.» В 30-е гг. – это был очень тонкий слой воистину образованных людей, которые своей деятельностью могли бы изменить в лучшую сторону решение многих проблем, в особенности в деле образования. Но их ликвидировали, причем дважды. Сначала физически, а затем – постарались уничтожить и саму память о них, изъяв и запретив научное и творческое наследие этих людей. Рассматривая отчеты 30-х гг., обратил внимание как часто кафедры и преподаватели жалуются на отсутствие учебников, обращаются в наркоматы с просьбой решить эту проблему, а также прислать квалифицированных преподавателей. А ведь учебники и умные книги были, при этом написанные на высоком научном уровне. Только по истории казахского народа были известны работы Букейханова, Чулошникова, Тынышпаева, Асфендиярова и других авторов, но эти книги были запрещены, их вузы не увидели. Репрессии были не только против людей, но и против знаний и идей, не соответствующих «линии партии». Это привело к тому, что фактически под запретом оказалась сама история как наука, а история Казахстана была «выброшена» из официального учебного и научного процесса. И время показало, что научное историческое знание было не нужно в советской высшей школе.

Таким образом, политические репрессии против национальной интеллигенции в регионах Казахстана имели самые серьезные последствия, так уничтожали не только немногочисленных деятелей науки и культуры народа, но вместе с ними и слабые ростки национальной культуры и образования. А значит и национального самосознания, обрекая народ на забвение и незнание собственного прошлого.

Список литературы и источников:

- Архив Департамента внутренних дел по Западно-Казахстанской области (А ДВД ЗКО).
Личное дело № 2463. Л. 9.
А ДВД ЗКО. Личное дело № 2463. Л. 89.
А ДВД ЗКО. Личное дело № 2463. Л. 99.
А ДВД ЗКО. Личное дело № 2463. Л. 109-143.
Государственный архив Западно-Казахстанской области (ГА ЗКО). Ф.580. Оп.1. Д. 128. Л. 200.
ГА ЗКО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 94. Л. 15.
ГА ЗКО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 94. Л. 21 -24.
ГА ЗКО. Ф. 580. Оп.1. Д. 94. Л. 6-18.

References

- Archive of the Department of Internal Affairs of the West Kazakhstan Region (A DIA WKR).
Personal case № 2463. L. 9.
A DIA WKR. Personal case № 2463. L. 89.
A DIA WKR. Personal case № 2463. L. 99.
A DIA WKR. Personal case № 2463. L. 109-143.
State Archive of the West Kazakhstan Region (SAWKR). F. 580. In.1. C. 128., L. 200.
SAWKR. F. 580. In.1. C. 94. L. 15.
SAWKR. F. 580. In.1. C. 94. L. 21-24.
SAWKR. F. 580. In.1. C. 94. L. 6-18.